

RU

Лексические заимствования в рукописных документах фонда № 84 «Тамчинский дацан» Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ)

Бухоголова С. Б., Батомункуева С. Р.

Аннотация. Цель исследования - обозначить особенности заимствованной лексики бурятского языка на материале документов Государственного архива Республики Бурятия. Научная новизна статьи заключается в том, что впервые выявлены языковые особенности упомянутых архивных документов, даны их систематизация и лексический анализ. Приведены сведения о государственном проекте «Сохранение и развитие бурятского языка в Республике Бурятия», основным результатом которого стала широкая доступность этих документов, создание новой источниковой базы для исследователей самых разных специальностей. В результате определено, что архивные документы помогают раскрыть историю распространения и развития буддийской религии на территории Бурятии и определить большую степень влияния иноязычной лексики на бурятский язык.

EN

Lexical Borrowings in Manuscript Documents of the Collection “The Tamchinsky Datsan” (Fund 84) of the State Archives of the Republic of Buryatia

Bukhogolova S. B., Batomunkueva S. R.

Abstract. The purpose of the study is to specify features of the borrowed vocabulary of the Buryat language using the material of the documents of the State Archives of the Republic of Buryatia. The article is novel in that it is the first to identify linguistic features of the archival documents, carry out their systemisation and lexical analysis. The authors have presented information on the state project “Preservation and development of the Buryat language in the Republic of Buryatia”, the main result of which amounted to the increased availability of these documents, creation of a new source base for researchers in various fields. As a result, it is ascertained that archival documents help to reveal the history of the Buddhist religion expansion and development within Buryatia territory and to determine the great degree of foreign vocabulary influence on the Buryat language.

Введение

Актуальность работы обуславливается тем, что в современных условиях национального возрождения малых народов, переоценки ценностей в духовной культуре изучение рукописей на монгольской письменности вызывает особый интерес, поскольку архивные документы представляют собой достоверные сведения, оставленные нашими предшественниками, о различных аспектах формирования и развития определенного рода, этноса и т.д. Исследование данных архивных материалов позволит решить ряд вопросов, связанных с историей проникновения буддизма на территорию Бурятии, его адаптацией и развитием наряду с традиционным шаманистическим верованием и православием. С лингвистической стороны работа может быть интересна как материал, зафиксировавший раннюю стадию заимствования лексики с тибетского языка, с санскрита, с русского языка, появившейся ввиду отсутствия необходимых терминов для ведения религиозных и административных дел. Обнаруженные в текстах архаизмы, касающиеся официального делопроизводства, рекомендуются для использования и в сегодняшние дни: в литературном бурятском языке, СМИ и т.д.

В рамках данного исследования решаются следующие задачи: во-первых, сгруппировать заимствованную лексику из русского языка, связанную с ведением делопроизводства дацанов вышеуказанного периода; во-вторых, отметить буддийские термины из санскрита и тибетского языков; в-третьих, определить архаичные

слова, связанные с административными терминами, не используемыми ныне, а также рассмотреть так называемые «бурятиязмы».

При переложении документов со старомонгольской графики на современный бурятский язык были использованы все доступные нам словари [3; 4; 7; 14; 15; 23]. При написании работы применялись методы наблюдения, сравнения, а также сравнительно-исторический и сопоставительный методы.

Теоретической базой исследования послужили работы В. И. Рассадина [17], О. Сухбаатара [19], в которых рассматриваются заимствования из монгольского языка, санскрита.

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты могут быть использованы в лекциях, семинарах для студентов и магистрантов, обучающихся по специальности «Востоковедение, африканистика» (монгольские языки), а также выявленная архаичная административная лексика может использоваться в литературном бурятском языке, СМИ и т.д.

Описание фонда № 84, оп. 1, д. 582 «Тамчинский (Гусиноозёрский) дацан»

В 2016-2018 гг. один из авторов настоящей статьи (С. Б. Бухоголова) участвовала в качестве переводчика-исполнителя в реализации Государственной программы «Сохранение и развитие бурятского языка в Республике Бурятия» совместно с Ж. Б. Бадагаровым, Г. Н. Очировой, Л. Ш. Чимитдоржиевой. Министерство культуры Республики Бурятия в целях обеспечения электронного доступа к архивным документам на монгольской письменности инициировало пилотный проект по переложению выявленных особо ценных архивных документов с монгольской письменности на современный бурятский язык:

- 1) фонда № 84 «Тамчинский (Гусиноозёрский) дацан», 2016 г.;
- 2) фонда № 454 «Ацагатский, Тугну-Галтайский, Чесанский, Эгитуйский, Янгажинский дацаны», 2017 г.;
- 3) фонда № 2 «Селенгинская Степная дума», 2018 г. [9, с. 31].

В данной работе нами отдельно рассматриваются особенности переложения с монгольской письменности на современный бурятский язык рукописного документа фонда № 84, оп. 1, д. 582 «Тамчинский (Гусиноозёрский) дацан»: $\text{jarim dačang-ud-un siregetü nar ba štat blam-a nar-un batulamji-yin tuqai boluysan kereg-üd: ekilegsen inü 1882 on-du, tegüsügsen anu 1884 on-du}$, который, на наш взгляд, точнее перевести как «Дела об утверждении ширетуев, штатных лам некоторых дацанов, 1882-1884 гг.» [12].

Как известно, буддизм начал распространяться на территории Восточной Сибири с середины XVII в., чему в значительной степени способствовало движение родоплеменных групп из Восточной Монголии в Забайкалье. Некоторые роды селенгинских монголов были знакомы с этой религией еще с XVI в. От них с буддизмом познакомилась другие жители Селенгинской долины, а затем и хоринцы [6, с. 93]. Бытует мнение, что селенгинские буряты (представители родов табангутов, цонголов, атаганов, хатагинов) – первоначальные переселенцы из Монголии – явились первыми носителями буддийской религии на территории современной Бурятии [2, с. 55]. Наряду с Цонгольским, который считается первым бурятским дацаном, Гусиноозерский дацан являлся не только религиозным, но и административным центром. Известно, что в 30-х гг. XVIII в. представители цонгольского рода воздвигли войлочный дуган в местности Эргэ-Бургэ, а затем перенесли его в местность Хилгантуй, впоследствии он стал называться Цонгольским дацаном и официально был утвержден в 1741 г. Датой строительства стационарного деревянного храма по некоторым данным считается 1753 г., по другим – 1758 г. Строительство Гусиноозерского дацана изначально в виде кошмового храма также датируют 1741 г., а датой постройки первого деревянного здания считается 1958 г. И, по мнению К. М. Герасимовой, эти противоречивые даты свидетельствуют о том, что работы по возведению храмов и прочие строительные, хозяйственные и административные дацанские дела шли своим чередом, независимо от разрешений инстанций [8, с. 20-21]. На протяжении долгого времени продолжалась борьба этих дацанов за закрепление за ними статуса главенствующего религиозного центра, в конечном итоге этой привилегии удостоился Гусиноозерский дацан, который в числе 15 монастырей находился в ведении Селенгинской думы [10, с. 81]. С 1808 г. по 1930 г. Гусиноозёрский дацан являлся резиденцией Хамбо-лам – главы буддистов России [8, с. 435]. Гением-хранителем этого дацана считалась богиня Палден Лхамо [16, с. 18]. Хотя 1741 год считается датой официального признания царским правительством России буддийской религии в Бурятии [5, с. 135], Н. В. Цыремпилов после тщательного исследования многочисленных архивных материалов полагает, что документ существовал «в статусе распорядительного указа, изданного местным органом власти от лица верховного монарха, что в XVIII веке было нормальной управленческой практикой, а не именного императорского указа». Исследователь утверждает, что по своему духу распоряжение 1741 г. было скорее ограничительным, нежели разрешительным [22, с. 105]. Поэтому по причине отсутствия подлинного указа императрицы Елизаветы Петровны вопрос о дате официального признания царской империей России буддизма на территории Бурятии остается до сих пор открытым.

Структурно-содержательные особенности рукописных документов

Причина отбора для оцифровки, переложения и электронного размещения на сайте ГАРБ документов фонда № 84 «Гусиноозёрский (Тамчинский) дацан» связана с 275-летним юбилеем Тамчинского дацана, который был широко отпразднован верующими в сентябре 2016 года.

Данный фонд включает в себя 74 рукописные страницы, 21 из которых написаны на русском языке, остальные 53 – на монгольской письменности. Документы были составлены разными авторами в разное время пером и чёрной тушью на листах белой бумаги, без пагинаций. Была использована обычная писчая бумага, равномерная на просвете, применявшаяся для делопроизводства середины XIX века. Листы, несмотря на желтизну от времени, не имеют каких-либо механических повреждений. Размеры бумаги составляют: 22,5 x 35 см и 23 x 15 см.

Рукописи представляют собой донесения, расписки, рапорты, прошения, докладные записки, послужные списки, присяги на верноподданство России при принятии определенного духовного звания, послужные списки лам Цугольского, Сартульского, Цонгольского, Эгитуйского, Агинского, Цолгинского, Тугну Галтайского, Бургалтайского, Анинского, Ацайского, Булагского, Ацагатского, Хужиртайского и других дацанов. Сообщения, написанные разными людьми с индивидуальными особенностями почерка, требуют скрупулёзного, тщательного анализа, порой с применением увеличительного стекла и плотной работы со словарями. Именно поэтому в процессе переложения в основном был использован метод сравнения в употреблении тех или иных графем монгольской письменности в определённых позициях (в начале, середине, конце слова). И только убедившись в правильности буквы и затем слова целиком, переключившись предложения на современный бурятский язык.

В левом верхнем углу документов имеется прямоугольный штамп с фигурными углами с надписью на русском языке: «Фабрики наследников Сумкина № 5». Бумага с таким штампом производилась на Лальской фабрике Сумкиных с 1829 года (ныне ОАО «Лальская бумажная фабрика», находящаяся в поселке городского типа Лальск Лузского района Кировской области). Фабрика была основана купцом Степаном Семеновичем Сумкиным на реке Шилуге в деревне Батюхино Целяковской волости Вологодской губернии. После смерти С. С. Сумкина в 1867 г. предприятие перешло в собственность его наследников и стало именоваться «Фабрики наследников Сумкина» [21].

Кроме этого, на отдельных листах рукописи имеется штамп в виде прямоугольника со срезанными углами с русскоязычной надписью: «Татаровской фабрики Протасьева б». Данный штамп в большинстве случаев встречается в административных документах царской империи, направленных в Тамчинский дацан. Его использовал Иван Александрович Протасьев (08.11.1802 – 11.01.1875), потомок старинного тверского дворянского рода, который в 1858 году основал писчебумажное производство в селе Барское Татарово (ныне Вязниковский район Владимирской области). В 1865-1883 годы на фабрике изготовлялась различных сортов и номеров писчая, почтовая и обёрточная бумага [20, с. 31-32].

Кроме указанных фабрик, в бурятском дацанском книгоиздательстве того периода использовалась бумага российского производства разных фабрик: Успенской фабрики, Андреевской фабрики, фабрики Первушина, фабрики Сергеева, фабрики Ятесъ, реже фабрики Рейнеръ и т.д. [8, с. 434].

Среди документов фонда Тамчинского дацана имеется лист ведомости с самой ранней датой – 1788 г. со сведениями о дацанах и их прихожанах за указанный год. В них встречается тибетское название Гусиноозёрского дацана – Даши Гандан Даржалинг (*тиб. bkra shis dga' ldan dar gya gling*). Несомненный интерес представляет информация об истории и имуществе дацанов, эмчи-ламах, прихожанах, селенгинском тайше, школе хувараков, переписке с другими дацанами, ежегодных отчетах, послужных списках лам.

В исследуемых материалах содержатся данные о доходах некоторых лиц, пожертвованиях в виде денег, статуеток божеств, скота и т.д. К числу ценных источников следует отнести и то, что ламы, хувараки бурятских дацанов после прохождения специального обучения по оспопрививанию самостоятельно проводили данную процедуру среди населения, в какой-то степени выполняя роль медицинских работников, в тексте называемые «оспёнными учениками». Наряду с этим выяснили, что раньше на территории дацанов существовали отдельные дома для приготовления еды, подношений и подогревания воды в зимнее время. Традиция сбора верующих на хуралы по родовому признаку и поочередное обеспечение питанием друг друга во время больших молебнов сохранилась до сих пор.

Любое действие штатных лам вплоть до разрешения отдыха на курорте во время отпуска согласовывалось с высшей инстанцией в лице генерал-губернатора Восточной Сибири. «Не только отпуск для лечения, но и другие отлучки из дацана требовали получения разрешительных документов» [1, с. 167]. Хотя и случались уклонения от норм: «...учитывая долгий процесс оформления увольнительных билетов, ламы могли отправляться за пределы своего прихода и без соответствующего документа. Так, например, при отставке хамбо-ламы Г. Ч. Ванчикова его самого не застали в Гусиноозёрском дацане – резиденции пандита хамбо-лам Восточной Сибири, и представители светской власти не знали о его точном местонахождении. Согласно архивным материалам, хамбо-лама Ванчиков вернулся в Гусиноозёрский дацан лишь спустя полгода после отстранения от должности» [Там же, с. 169].

Несомненную ценность представляет выявление имён лам разных сословий и дацанов рассматриваемого периода, это: ширетуй лама Жигжид Данчинай, банди Дамдин Хайдухулын, банди Найдан Еши Эрдэнин, банди Лодон Дэлгэр Гаанайн, гелун лама Ешэдоржи Бадлын, гелун лама Дамдин Хайдабын Агинского дацана; ширетуй Жамбадын, староста Сэдэбэй Анинского дацана; ширетуй Намсарайн Ацагатского дацана; банди Аюуша Дэлигын, ширетуй Баярын Ацайского дацана; ширетуй Цэвээнэй, гелун Намдаб Балжинтын, банди лама Сэрэн Пунсаг Дашиин, банди Доржи Сүйнжэр Намсарай Баршинского дацана; ширетуй Чигдорын, гелун лама Цэвээн Дугарын, банди Жимид Гапил Сэдэнэй Булагского дацана; ширетуй Раднын, банди Дондоб Хонгорын Бургалтайского дацана; ширетуй Василиин, банди Цэвээн Буягтын Сартульского дацана; гелун Аюр, банди Жамбалдаши Жинчидын, ширетуй Бадмадоржи Чагдарын, гецул Сэнгдэрын, банди Бадмын Тарбагатайского дацана; ширетуй Даваа Жилчин Заяатын, ширетуй Ширав Дандарын, банди Сэдэб Гүнпилдоржын Тугну Галтайского дацана;

ᠳᠠᠴᠠᠩ *dačang* (*тиб.* grwa tshang) – 1. дацан; 2. монастырская школа;
 ᠭᠡᠪᠰᠢ *gebsi* (*тиб.* dge bshes) – гэбши (буддийская ученая степень, присваивалась после окончания определённого курса и сдачи экзаменов по двум степеням цаннита – логике и парамите);
 ᠶ᠋ᠠᠮᠪᠤ *qambu* (*тиб.* mkhan po) – 1. хамбо; духовный глава буддийского монастыря, первенствующий при проведении богослужений; 2. верховный глава буддийского духовенства в Бурятии; 3. *перен.* высшего качества.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим основным выводам: во-первых, изученные нами документы позволяют сгруппировать заимствованную лексику, связанную с ведением делопроизводства дацанов вышеуказанного периода, определяющую адаптационный период после присоединения бурят к Российской империи. Во-вторых, выявили буддийские термины из санскрита и тибетского языка, являющиеся свидетельством распространения буддизма в Бурятии, на территории которой преобладала шаманская религия. Следует отметить, что указанные активные заимствования существуют в обиходе и в настоящее время. В-третьих, исследование также позволило определить архаичные слова, не используемые ныне, но рекомендуемые для применения в административных документах. Между тем были обнаружены так называемые «бурятизмы».

Кроме выявления языковых особенностей, эти рукописи помогают с исторической стороны раскрыть характер взаимоотношений и политики между царской администрацией и буддийскими общинами Восточной Сибири с указанного периода. Из переводов удалось добыть информацию об истории, имуществе дацанов, именах и послужных списках лам, переписке с другими дацанами, ежегодных отчетах в высшие инстанции и т.д. Среди них особое место занимают донесения, расписки, рапорты, прошения, докладные записки, присяги на верноподданство государству, которые подтверждают стабильность ведения делопроизводства дацанов в сфере образования, медицины, книгопечатания, государственной регистрации актов гражданского состояния и т.д. Одним словом, дацаны на тот период представляли важный социальный, культурно-просветительский центр, на котором базировалась жизнь обычных бурят-мирян.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении рукописного материала.

Отсканированные архивные документы фонда № 84, оп. 1, д. 582 «Тамчинский (Гусиноозёрский) дацан» (Дела об утверждении ширетуев, штатных лам некоторых дацанов, 1882-1884 гг.) на монгольской письменности и их переложение на современном бурятском языке представлены на сайтах Государственного архива Республики Бурятия www.gbu-garb.ru, www.soyol.ru. Для удобства работы с материалами рукописи электронный вариант документа имеет совмещённый вид – на одной странице размещены тексты на монгольской письменности (слева) и переложения на бурятском языке (справа).

Финансирование | Funding

RU Работа выполнена в рамках государственного задания: «Памятники письменности народов России и Внутренней Азии на восточных языках и архивные документы XVIII - начала XXI в. в контексте межкультурного взаимодействия», № 121031000302-9.

EN The reported study was carried out as a part of the state assignment “Ancient manuscripts of the peoples of Russia and Inner Asia in oriental languages and archival documents of the XVIII - early XXI century in the context of crosscivilisational interaction”, project number 121031000302-9.

Источники | References

1. Аюшеева М. В. О некоторых архивных документах ЦВРК ИМБТ СО РАН по истории бурятского буддизма в XIX в. // Гуманитарный вектор. 2012. № 2 (30). С. 165-172.
2. Батуев Б. Б. Очерк истории селенгинских бурят. Улан-Удэ: Сибирь, 1993. 101 с.
3. Большой академический монгольско-русский словарь: в 4-х т. / Институт языка и литературы Академии наук Монголии; Институт языкознания РАН. М.: Academia, 2002-2003. 1901 с.
4. Буряад ород толи. Бурятско-русский словарь: в 2-х т. Улан-Удэ, 2006. Т. I. 636 с.; 2008. Т. II. 708 с.
5. Буряадай түүхэ бэшэгүүд / сост. Ш. Б. Чимитдоржиев. Улаан-Удэ: Буряадай номой хэблэл, 1992. 240 с.
6. Бурятия: энциклопедический справочник: в 2-х т. Улан-Удэ: ЭКОС, 2011. Т. II. История: от древности до современности. 646 с.
7. Бурятско-русский словарь / сост. К. М. Черемисов. М.: Советская энциклопедия, 1973. 804 с.
8. Буряты / отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. М.: Наука, 2004. 632 с.
9. Бухоголова С. Б. О лексических особенностях переложения архивных документов с монгольской письменности на современный бурятский язык (на примере фонда № 454 «Янгажинский дацан») // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2020. Вып. 3. С. 30-37.

10. Ванчикова Ц. П. История бурятского буддизма: письменные источники. Улан-Удэ: БНЦ, 2006. 147 с.
11. Галданова Г. Р., Герасимова К. М., Дашиев Д. Б., Митупов Г. Ц. Ламаизм в Бурятии XVIII - начала XX в. Новосибирск: Наука, 1983. 236 с.
12. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 84. Оп. 1.
13. Клепиков С. А. Филигранные и штемпельные надписи на бумаге русского и иностранного производства XVII-XX вв. М.: Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1959. 106 с.
14. Ковалевский О. М. Монгольско-русско-французский словарь. Казань: Казанский государственный университет, 1844-1849. Т. I-III. 2690 с.
15. Монгольско-русский словарь / под общ. ред. А. Лувсандэндэва. М.: ГИИНС, 1957. 716 с.
16. Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1887. 510 с.
17. Рассадин В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М.: Наука, 1980. 116 с.
18. Словарь лингвистических терминов / сост. Т. В. Жеребило. Изд-е 5-е, испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
19. Сүхбаатар О. Монгол хэлэн дэх самгарди махбод / ред. Б. Түвшинтөгс. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2014. 160 х.
20. Фролов Н. В. Предводители дворянства Вязниковского уезда // Материалы по истории Владимирской губернии. 1997. Вып. 5. С. 31-32.
21. Цыпкин Д. О. Штемпельная маркировка образцов и краткие сведения о производителях бумаги [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/shtempelnaya-markirovka-obraztsov-i-kratkie-svedeniya-o-proizvoditelyah-bumagi> (дата обращения: 30.03.2020).
22. Цыремпилов Н. В. Когда Россия признала буддизм? В поисках указа 1741 г. Императрицы Елизаветы Петровны об официальном признании буддизма российскими властями // Гуманитарный вектор. 2014. № 3 (39). Востоковедение. С. 96-109.
23. Черемисов К. М. Бурят-монгольско-русский словарь. М.: ГИИНС, 1951. 852 с.

Информация об авторах | Author information

RU

Бухоголова Саяна Батуевна¹
Батомункуева Соелма Ринчиновна²

^{1,2} Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ

EN

Bukhогоlova Sayana Batuevna¹
Batomunkueva Soelma Rinchinovna²

^{1,2} The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude

¹ sayana050379@yandex.ru, ² soelmul@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 17.05.2021; опубликовано (published): 15.09.2021.

Ключевые слова (keywords): лексика; монгольская письменность; архивный документ; vocabulary; Mongolian script; archival document.